

К Р О К О Д И Л

ГОД ИЗДАНИЯ XVII

K556/385

Рис. Н. Радлова

ТОРЖЕСТВЕННАЯ
ВСТРЕЧА
ЛАУРЕАТОВ

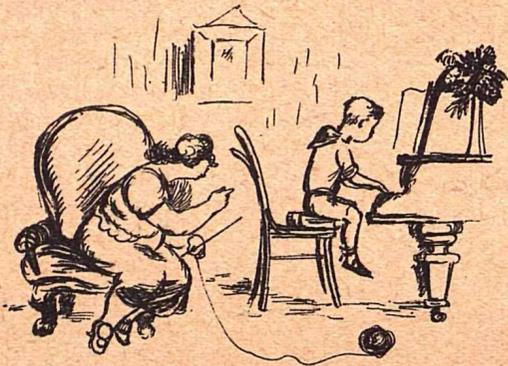
Возмездие

На ослепительном небе было одно черное, мрачное пятно. Каждый день, ровно в три часа, Петя был обязан садиться за рояль.

— Начнем с гаммочек, — говорила тетя Лиза.

«Совсем слепая, а попробуй пропустить второй этюд Бернса, небось, сразу услышит», — грустно думал Петя, вздыхая и тоскливо ерзая на книге, положенной на стул. От трех и до четырех — таков был закон.

— Н-да, — сказал ему вчера Лева. — Ну какой из тебя Кренкель? Сам посуди: у нас рация должна работать без перебоев, а тебе — ганоны играть. Нет, так не пойдет.

А самое интересное в жизни, словно нарочно, происходит как раз от трех до четырех! Сегодня сборная двенадцатого дома выступает против ребят с 3-й Тверской-Ямской. Простой раз во втором тайме тверские откровенно пошли на подножки и кричали «пендель», когда был обыкновенный «хенц», а все же им настукали всухую. Сегодня тверские решили взять реванш.

Игра должна начаться ровно в три, как только закроется домоуправление. А тетя Лиза, конечно, явилась в полтретьего. Сидит, вяжет, — ведь ничего не видит, а кричит: — Не горбись. Ре-минор, Петенька, придется повторить...

А это вовсе ля. Как можно так жить? Петя вздохнул, выпрямился и повторил гамму ре-минор.

Сколько времени может тянуться один час? На этот раз он продолжался часа четыре — не меньше. То и дело Петя взглядывал на циферблат: что там со стрелкой? При последнем гулком ударе он уже летел вниз по лестнице.

Почти вся команда была в сборе. Ребята сидели на старом, повалившемся заборе, который побывал уже и чкаловским самолетом, и папанинской льдиной, и судейской трибуной на товарищеских матчах.

— Сдрейфили тверские? — крикнул Петя на бегу.

Ему никто не ответил.

— Говорю: возьмут! — убежденно заявил Лева.

— Взяли! — язвительно отпарировал оправдомовский Колька. — Наших — 4, а французских — 12, а английских — 11, и так далее, от целых 23 стран.

— И я говорю: возьмем! — вдруг вмешался рыжий Ленечка. — Нам сегодня вожатый...

— Много твой вожатый понимает!

— Побольше твоего понимает...

— Разве тверские так и не пришли? — снова спросил Петя.

Он не мог понять, по какому поводу рассорилась команда.

— Петька!

Его появление заметили только сейчас.

— Петька знает! Стой, чур я! Петька, Бах — очень трудный? Легче этюда Иоргена?

— Иоргена, — не утерпел Николай.

— А что значит: третья пьеса по выбору? Какую задут?

Лишь теперь Петя сообразил, в чем дело. Ребята смотрели на него с такой надеждой, что впервые в жизни он благосклонно подумал о черном нотном пюпитре и даже почувствовал себя чуточку отомщенным.

— Бах — еще не самое трудное, — авторитетным тоном, стараясь взвешивать каждое слово, начал Петя. — Есть гораздо сложнее. Например Бернс, этюд № 2. Это вроде Иоргена.

— Иоргена, — не утерпел Николай.

— Смотри что вытянешь, — обрезал Петя. — Там по билетикам как на испытаниях.

— А не сжулят? — спросил рыжий Ленечка.

— Не могут: там глядят со всех сторон.

— Наши возьмут! Да? Петя, да? — спросил Лева, с уважением заглядывая ему в глаза.

Петя помедлил.

— Все зависит от постановки рук, — загадочно ответил он.

— Ага! — обрадовался Николай.

— Ничего не «ага». Вот скажу, кто стекло кокнул, — поагакаешь... — пригрозил Лева.

Тверским так и не удалось взять реванш. На следующий день весь двор только и говорил, что о двенадцати немцах, из которых лишь один попал во второй тур. Управдомовский Колька заметно сбавил тон, но еще упирал на то, что двое из девятнадцати — дело темное... Но Колька был уже одинок.

Начались определенно удивительные дни. Колькина модель перелетела через «Гастроном» и не разбилась. Раньше эта сенсация взволновала бы все население двора, теперь же она была демонстративно «не замечена».

Тетя Лиза не верила своим глазам, когда без десяти три Петя уже намостил себе стул и, покачивая головой, вдруг сам стал разбирать этюд Бернса № 3.

Дверь неожиданно приоткрылась:

— Пе-еть...

— Занят! — ответил тот, не обернувшись, и моментально перешел на гаммы.

Тогда дверь приоткрылась настолько, что в комнату проник Лева.

— Пе-еть!

— Я играю.

— Мы тихо, — ответил Лева за себя и за рыжего Ленечку сразу. — Сыграй, пожалуйста, этюд...

Тетя Лиза всплеснула руками и выбежала на лестницу. Когда она вернулась вместе с Марфой Игнатьевной, то Лева уже сидел за роялем, рыжий Ленечка глубокомысленно рассматривал этюды Бернса «Школа № 1», а сам Петя стоял в стороне и командовал:

— Начнем с гаммочек! Ну? До, вот это — до-о-о. Не горбись! До-о, ре-е-е... Придется повторить. Это тебе не вратарем стоять, до-о-о...

Лева вспотел, но не сдавался.

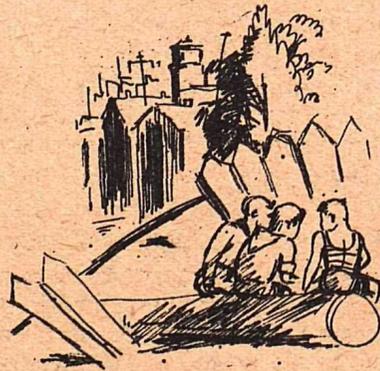
Когда на бульваре вывесили газету с двумя большими портретами Гилельса и Флиера, ликование не было конца.

— Я говорил? — торжествующе спрашивал каждого Лева. — Говорил?

— Он говорил? — повторял рыжий Ленечка.

На оправдомовского Кольку было жалко смотреть.

В. Иорданский

Зенитные комары

Стеклянный квадратик с надписью «26-я начальная школа» отражал солнце. Большая перемена только-что началась, и ребята опять собрались под липой. Продолжалась игра в зимовку. На пяти бумажках было написано: «Папанин», «Кренкель», «Ширшов», «Федоров» и «пес Веселый». Бумажки скатывались в шарики, и каждый из ребят вытаскивал поочередно. На прошлой перемене Димке Ушанкову шесть раз достался «Папанин», два раза — «Ширшов» и по разу — «Кренкель» и «Федоров». А Сене Фомину третий раз подряд выходил «пес Веселый». Сенья вздохнул, сделал равнодушное лицо и выбыл из игры.

Размышляя в отдалении о превратностях своей судьбы, Сенья увидел Гришу. Ученик специальной школы Наркомпроса Григорий Фомин пришел в школу навестить своего младшего брата Сенью. Мгновенно толпа ребят окружила братьев Фоминых.

Григорий был ослепительно красив: синие брюки с огненными полосками канта, новенькая куртка защитного цвета, хрустящий ремень, золотая звезда на пряжке, фуражка с лакированным козырьком и лежащие крест-накрест бронзовые пушечки в петлицах.

Сенья стоял счастливый и предельно торжественный... А ребята продолжали прибывать.

— Ну как, брат? — спросил Григорий.

— Да ничего, брат, — ответил Сенья, и Димке Ушанкову вдруг показалось, что Сенья стал выше.

— Ну как там служба? — солидно спросил Сенья и запросто потрогал блестящую гришину пряжку.

Этого Дима уже не мог вынести. Он подошел поближе к Сене и тихонько положил ему в карман пакетик с марками французских колоний.

Григорий гостил у брата целую перемену, а когда прозвенел звонок, он за-

кончил свой увлекательный рассказ, стал прощаться с ребятами и каждому пожимал руку. Ребята выстроились в очередь, а некоторые ловкачи и арапы умудрились подойти по второму разу.

— Заходи, Гриша, не забывай, — сказал Сенья, хотя забыть-то его брат мог разве только до вечера.

На уроке естествознания притихшие ребята смотрели на Сенью. А он сидел молчаливый и казался даже утомленным от гордости и нечеловеческого счастья...

— Это что же, брат твой приходил? — спросил Яков Иванович, учитель естествознания.

— Да, это Гриша, артиллерист, мой брат, — небрежно подтвердил Сенья.

— Хорошо, — сказал Яков Иванович. — Очень хорошо, — и улыбнулся. — Сейчас, ребята, вы будете писать сочинение. Каждый сам выбирает себе тему.

Через пять минут головы учеников 4-го класса «Б», лучшего класса школы, склонились над партами.

Когда окончился урок, Яков Иванович собрал сочинения и ушел в учительскую. Он положил перед собой тетради и открыл первую.

Дима Ушанков писал размашистым почерком: «Виды растений».

Стебель дерева напоминает собой ствол пушки. Он широкий внизу и узкий наверху. Поэтому стебель дерева и называется стволом. Стволы бывают короткие и толстые, как например у мортиры. Они годятся для разрушения глубоко укрытых и прочных целей...

Яков Иванович отложил тетрадь Димы Ушанкова. Следующим лежало сочинение Юры Голубкина: «Поле».

Рожь, пшеница, гречиха, ячмень и другие злаки растут на полях. Кроме полей бывают еще нарезки, для того чтобы снаряд вращался, когда он летит в цель...

Яков Иванович пожал плечами и потянулся за тетрадью Сени Фомина. Деловитый автор посвятил свое сочинение жизни насекомых:

«...Всех опасней для человека малярийный комар. Кусая больного, а потом — здорового, он разносит малярию...»

«Ну вот, наконец, хоть одно нормальное сочинение», — с удовлетворением подумал Яков Иванович и снова углубился в чтение.

«...Отличить малярийного комара от простого очень просто, — продолжал Сенья, — их можно узнать, если посмотреть, как они сидят. Тело простого комара, если посмотреть на него сбоку, напоминает полковую пушку с лафетом, а малярийный комар, когда сидит, закидывается кверху, как зенитное орудие, которое служит для поражения воздушного противника...»

Потрясенный учитель отложил работу Сени Фомина и достал из-под самого низа сочинение Верочки Шукиной. Эта тихая, прилежная девочка с голубыми глазами на протяжении всего года славилась своими сочинениями. Работа Верочки Шукиной называлась «Гром и молния».

«Молния — это такой разряд электричества, которое собирается в воздухе. Молния — это громадная электрическая искра, а сильный треск от этой искры и есть гром. Удар грома, — писала Верочка Шукина, — похож на разрыв артиллерийского снаряда крупного калибра...»

Яков Иванович отложил в сторону стопку ученических тетрадей, достал лист бумаги и начал писать докладную записку заведующему учебной частью:

«...Результаты сегодняшнего сочинения и впечатлительность моих учеников поразили меня как шрапнель...»

Борис Ласкин

Радиоопыт тов. Худака

Жалобы покупателей — крайне неприятная вещь. Вечные споры с потребителем, доказательства, претензии, ссылки потребителей на зря затраченные деньги — все это весьма беспокоило вриодиректора центральной оптовой базы Главспецторга тов. Худака.

— Надо во что бы то ни стало добиться, чтобы жалоб от потребителей больше не было!

И он, действительно, добился этого. Больше нет ни одной жалобы. Как же он это сделал? Мы считаем необходимым обнародовать опыт тов. Худака. Он применил простой, но радикальный способ. Он отдал распоряжение единственной мастерской, ремонтировавшей радиоприемники «СВД-1» и «СВД-М»:

...§ 2. Радиоремонтную мастерскую ликвидировать.

К этому интереснейшему опыту почти нечего добавить, разве только упомянуть, что указанные приемники стоят около тысячи рублей и что 30 с лишним тысяч потребителей «СВД-1» и «СВД-М» теперь молчат, потому что им некуда жаловаться. И еще стоит указать, что приемники продавались с гарантией двухлетнего обмена и обслуживания.

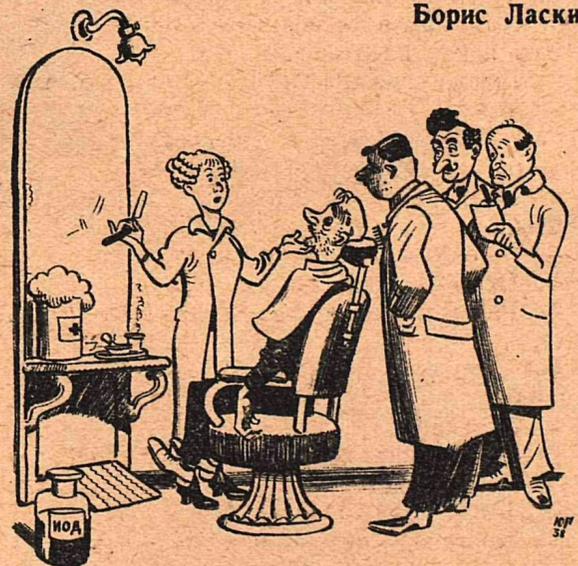

Рис. Ю. Ганфа

НА ИСПЫТАНИЯХ В ПАРИКМАХЕРСКОЙ ШКОЛЕ

КЛИЕНТ (ученице): — Только не срежьтесь, умоляю вас!.

Ряд волшебных изменений

К забору прикреплен большой щит. На щите списки избирателей 9-го участка. С утра до вечера здесь толпится народ.

Вот какой-то гражданин в серой кепке с удовольствием читает:

— «Кирпичев, Иван Трофимович, Лесной переулок, 7, квартира 11...» Все правильно! Прямо замечательно! И в декабре, на прошлых выборах, та же картина: Кирпичев, Иван Трофимович, Лесной переулок, 7, квартира 11. Хорошо! Любят порядок.

Подбегают двое мальчишек. Обоим им, вероятно, лет восемнадцать с гаком.

— Вот мой папа! — кричит один, возбужденно тыкая пальцем в списки. — А вот и мама.

— А вот и мой папа! — радостно общается другой. — Сейчас и маму поищем. Сейчас мы ее найдем. Вот она!..

Лицо мальчика вдруг тускнеет.

— Марья Гавриловна... Вот тебе и

на! Да она не Гавриловна, а Герасимовна. Дедушку, черти, перепутали. В прошлом году маму перепутали, а теперь дедушку. Побежать сказать.

Мальчик срывается с места и стрелой несется по улице.

Тут же, у щита, встречаются двое знакомых — Василий Петрович и Софья Марковна.

— Здравствуйте, Софья Марковна! Как я рада вас видеть, — говорит Василий Петрович, поглаживая свою русую бородку. — Я так рада! Я наднях вспоминала о вас.

— Вы что-то похудели.

— Ах, не говорите, Софья Марковна. — При этих словах Василий Петрович стал нервно крутить левый ус. — Ах, не говорите. Я женщина слабая, нервная.

— Давно это с вами?

— Третий день. Я до сих пор считала себя мужчиной. И все знакомые и родственники, а также сослуживцы на-

ивно полагали, что я имею кое-какое отношение к мужскому роду. Да я и сама с детства свыклась с этой мыслью. Это можете судить по моим полосатым брюкам, а также по усам и бороде. Но, оказывается, что все это ошибка. Что я по молодости лет заблуждалась. Горсовет, конечно, разбирается в таких делах лучше обыкновенных граждан. Горсовет, конечно, знает, кто у него в городе мужчина, а кто женщина. И вот третьего дня я окончательно уразумела, что я женщина. Посмотрите в списке избирателей черным по белому сказано: «Василиса Петровна Кудрявцева». Должна я этому верить или нет?.. Нет, вы не смейтесь, Софья Марковна. Вы лучше скажите мне, как теперь шьют блузочки? В оборочку с прошивочкой или в оборочку без прошивочек, или вовсе без оборочки, но с прошивочкой? Жду вашего ответа и совета, милейшая Софья Марковна.

При последних словах Василий (Василиса) Петрович (Петровна) Кудрявцев (Кудрявцева) томно улыбнулся (улыбнулась) и кокетливо погладил (погладила) свои русые усы.

— Не выйдет! — хриплым басом ответила Софья Марковна. — Я в женских костюмах перестал разбираться. Я окончательно, мой друг, перестроился. Меня с детства плохо воспитывали. Меня почему-то считали девочкой. А я, дурак, поверил. И даже вышел замуж и родил двух ребят. Нет, теперь со всем этим покончено. У меня, наконец-то, открылись глаза. Я понял свое назначение, свое призвание в жизни.

— Давно это с вами?

— Третий день. Как только вывесили списки избирателей. Подхожу, читаю — «Семен Маркович Воронов». Вот она истина! А я ведь тридцать два года числился Софьей Марковной. Хватит! Пускай теперь другие побудут в женской шкуре. А я теперь мужчина. Не помните, какие теперь шьют пиджаки — однобортные или двухбортные?

Они взглянули друг на друга и весело рассмеялись.

— Но все же шутки в сторону, — сказала (сказал) Софья (Семен) Марковна (Маркович). Это не так смешно, как кажется. Я считаю это вопиющим безобразием, издевательством над избирателями. Пойдемте жаловаться.

— Обязательно. Этих путаников надо высмеять и взгреть. Не думайте, что только мы с вами пострадали. Вот недавно в центральной газете «Индустрия» в номере от 23 мая сообщалось, что по Днепродзержинскому сельскому избирательному округу кандидатом в депутаты Верховного Совета УССР выдвинут инженер Е. И. Плотников. По секрету могу вам сообщить, что это речь идет об инженере Елизавете Ивановне Плотниковой... Такие дела, Софья... то есть, Семен Маркович!

Г. Рыклин

Рис. Д. Моора

СТАВКА НА ЧУДО

— Господь всемогущий, сотвори чудо! Единственный мой голос, который я подаю за себя, умножь как песок морской.

АКТИВНЫЙ ЗЯБЛИК

В конференцзале ПНИИВП (Псевдонаучно-исследовательский институт всевозможных проблем) собрались все неперенные члены, оппоненты и героические защитники диссертаций.

Повестка дня содержала ряд наиболее актуальных, насущных и наболевших вопросов. Профессор Ф. Ф. Маньяковлев выступал с докладом о прививке яблоневых ветвей телеграфным столбам. Это мероприятие, по мнению докладчика, решало проблему создания зеленого придорожного массива и обеспечивало плодоовощную базу для монтеров, работающих на линии. Доцент Л. Б. Круков защищал диссертацию «Использование энергии уличного шума для укачивания детей». Короткое сообщение о тягловых возможностях гибрида черепахи и рака сделал младший научный сотрудник института О. Н. Какк-Таковой.

Но репортеры и фотографы приехали позднее. Они знали, что венцом заседания будут доклад и демонстрация опытов профессора Аристиды Лукича Блеф-Строганова.

Аристид Лукич надел очки, постучал указкой по краю пюпитра и, ласково посмотрев в ближайший объектив, начал:

— Уважаемые коллеги! Настал-таки момент, когда я могу поделиться с вами результатами своих многолетних трудов. Усилия лучших умов человечества долгие годы были направлены на то, чтобы решить, наконец, проблему ошерстения отдельных недоошерщенных представителей животного мира. Я избрал объектом своих опытов обыкновенного зяблика...

— А ты не хотел ехать! — шепнул своему собрату корреспондент вечерней газеты. — Я это место знаю...

— Консерваторы от науки, — продолжал профессор, — примитивисты и ползучие эмпирики полагают, что у зяблика как у птицы не может быть шерсти. Я настаиваю на том, что у нашего зяблика должна расти шерсть. А если она еще и не растет, — задача передовой науки — заставить ее расти!

— Зачем? — с любопытством спросил ученый секретарь, человек отчаянной смелости, институтский дебошир и сорви-голова.

— А вот зачем, многоуважаемый молодой человек. Морозоустойчивый зяблик сможет дать шерсть для народного хозяйства. А освободившихся верблюдов можно будет значительно шире использовать для катания наших детей.

— У Брэма по этому поводу, между прочим, ничего нет, — попытался дать справку неугомонный секретарь.

— Оставим Брэма! — сурово отрезал Аристид Лукич. — Вернемся к зяблику... Я послал институтского сторожа Пахомыча в свою лабораторию с поручением остричь подопытный экземпляр. Сейчас вы убедитесь, какие результаты дает мой метод кормления зяблика мелкорубленными валенками...

В этот момент скрипнули тяжелые двери и в конференцзал вошел сторож с объемистой кошкой. Это было невероятно. В корзине горой лежала белая шелковистая шерсть. Потрясенная аудитория зашумела. Куски первоклассной шерсти пошли по рукам. Почитатели научного гения профессора прятали обрывки шерсти в грудной карман, как прячут локоны любимой девушки. Магний уже не вспыхивал. Он горел ярким, неугасимым пламенем.

— Ну, знаете ли, — сказал Ф. Ф. Маньяковлев, — мои телеграфные столбы бледнеют перед вашей шерстью.

— Гениально! Потрясающе! — захлебывался Круков, пряча в карман пригоршню диковинного продукта.

А тихий О. Н. Какк-Таковой, не говоря ни слова, обнимал смущенного сторожа, приветствуя в его лице соучастника великого открытия.

«Как заявил в беседе с вашим сотрудником сторож института, — быстро начал писать корреспондент вечерней газеты, — это еще что! Слава скромным труженикам науки!»

Триумф профессора Аристиды Лукича Блеф-Строганова был полным. Упоенный славой и окрыленный успехом, Аристид Лукич даже не обратил внимания на то, что активность зяблика в смысле шерстеподачи превысила все ожидания. Не думали вначале об этом и остальные. Только зарвавшийся ученый секретарь вдруг встал и нагло заявил:

Шарж Бор. Ефимова

В. В. БАРСОВА

(кандидат в депутаты Верховного Совета РСФСР).

В прогнозе нет ошибки ни на волос:
В день выборов за несколько часов
(Хоть у нее самой отличный голос)
Ей отдадут еще не мало голосов!

— Таких волосатых зябликов в природе нет! Я за это отвечаю!

И в самом деле, только теперь аудитория почувствовала, что шерсти действительно многовато.

Сколько подопытных экземпляров вы остригли? — металлическим голосом спросил у сторожа Аристид Лукич.

— Да одного...

— Одного? Принесите-ка его!

— Нешто его донесешь. Он, окаянный, бодается.

— Что? — крикнул ученый секретарь. — Зяблики не бодаются? Я за это отвечаю!

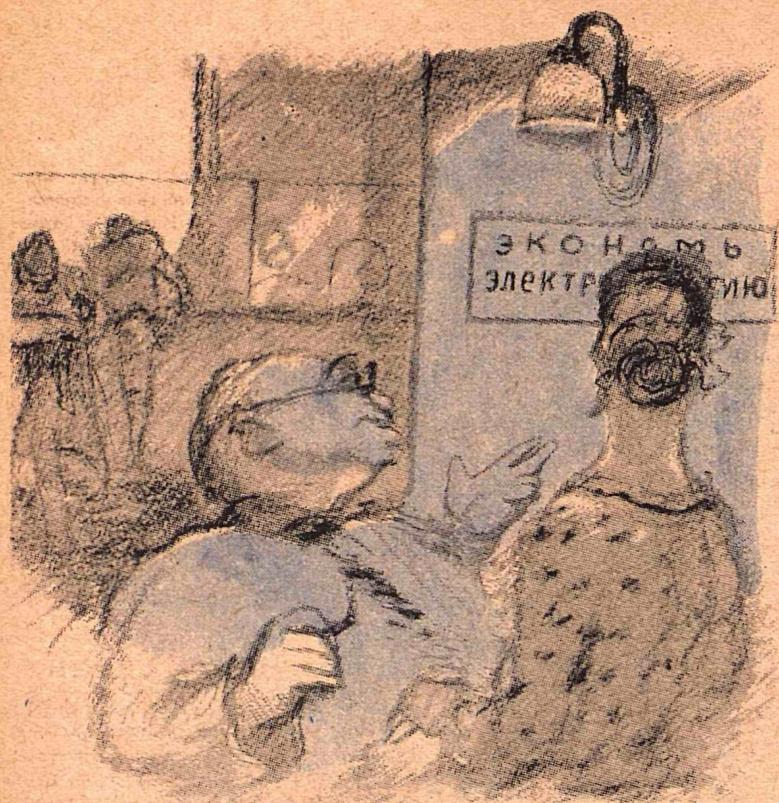
— Какие зяблики? Я зябликам давеча валенок накрошил, воды налил, а они подавились, видать, сердечные, и подошли. А экземпляр такой окаянный попался! Я его стригу, а он бодает. Был бы потише, я бы вам две кошки настриг...

А в это время в своем загоне стоял помолодевший от стрижки козел. Он не видел и не слышал, как неожиданно и бесславно оборвалась блестящая карьера Аристиды Лукича и его достопочтенных коллег.

Козел был гол, как сокол!

Жан, Жак и Руссо

Пожарные маневры

ДНЕМ С ОГНЕМ

Рис. В. Горяева

- Почему здесь никогда не гасят лампу?
- Чтобы всегда можно было прочитать это объявление.

К СВЕДЕНИЮ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

В целях восстановления истины и идя навстречу рабочим и служащим станицы Новотитаровской, а также колхозникам и колхозницам артели имени Блюхера и «Мировой Октябрь» (Краснодарский край), сообщаем, что мужского имени Порфир не существует. Что касается имени Трофим, то таковое есть, но кандидат в депутаты Верховного Совета РСФСР от Краснодарско-Сталинского избирательного округа тов. Мельникову отношения не имеет. Зовут его Порфирий Архипович.

За сообщение краснодарской краевой газеты «Большевик» от 22 мая, именующей тов. Мельникова и Трофимом, и Порфирем, и Порфирем одновременно, избиратели ответственности не несут. Несет ее И. И. Юдин, исполняющий обязанности редактора «Большевика».

Гусь на агитработе

(Басня)

Однажды некий гусь ученый,
К агитработе привлеченный,
Решил на деле, так сказать,
Свою ученость показать.
И, обводя собрание взглядом,
С пространством выступил докладом.
Час целый цифры гогогал,
Всех утомил и сам устал.
И секретарь, вздохнув невнятно,
Сказал, толкнув соседа в бок
(Был у соседа сон глубокий):
— Доклад хороший, вероятно,
Но хорошо, да непонятно.
На что, проснувшись той порой,
Ему отвечивал второй:
— Да, выступление плодотворное
Не как доклад, а как сновторное.

Мораль простая басня сей,
Она идет за басней следом:
Не привлекать гусей
К беседам.

ВЛ. МОГОЛЬ

— Что? Конечно, пожарный. А что же вы по форме не видите, что я пожарный?.. Десятый год. Сейчас топорником работаю. Да. Нелегкая работа. Что у нас новенького? А вот маневры стали делать.

Ну да, наши пожарные маневры. Пожара нигде нету, а мы выезжаем будто на пожар. И примеряемся, как быть, если на самом деле загорится. Что? Польза огромная. И не только нам, пожарникам, наука, а и прочим гражданам.

Вот сейчас объясню. На той неделе сделали мы маневры у одного дома на улице... Ну не буду говорить, на какой улице, потому что узнаете тогда, что за дом. И квартир в нем больше ста, а жильцов тысячи...

Вот, значит, мы под'езжаем всей командой, останавливаемся около этого дома и начинаем лестницы выпускать, оцепление делать, рукава присоединять к кранам. И сразу начинаются такие сюрпризы: вдруг подбегает к нам одна гражданка и, задыхаясь, говорит:

— Загорелось в семнадцатой квартире? Да?

Мы говорим:

— Почему вы так думаете?

— Да как же, — отвечает гражданка, — я сама в этой квартире живу... У нас на кухне пять примусов, черный ход заперт и сундуками заставлен, а за примусами никакого надзора нет. Запалят все пять штук и уходят из кухни...

Ну мы, естественно, записали показания гражданки, а тут уже — новое явление: солидный такой человек в пенсне, с козлиной бородкой прямо хватает нашего начальника за плечи и кричит:

— Вы им не верьте, товарищ начальник!

— Кому не верить? — спрашивает начальник.

— Врагам моим! Они все врут! Керосину у меня было слито каких-нибудь 147 литров и только — для дачи. А если загорелось, то, наверное, из-за Редискина, который курит свои вонючие сигары и кладет их в тлеющем виде куда не попадя.

Начальник говорит:

— Нет, видно, тут надо сажать человека записывать эти показания! Товарищ Пономарев, бери карандаш, бумагу, записывай.

А Пономареву писать не дают: кто-то с портфелем, в кепке на затылке выпрашивает у него:

— Как вы думаете, товарищ пожарник, если я сейчас пойду и застрахую свое имущество в Госстрахе, то выплатят мне премию за этот пожар или будут ждать следующего?.. Все, знаете, некогда было страховаться, так нельзя ли сейчас?

Но и начальника в покое не оставляют. Молоденькая женщина сует ему в руки паспорт со своей фотографией и умоляет:

— Прошу вас! Прошу вас, товарищ начальник, засвидетельствуйте, что меня в это время дома не было. Что я только иду домой из бакалеи. А то Анна Семеновна — моя соседка — будет говорить, что это я подожгла.

Гражданин в толстовке и серых нарукавниках оттолкнул эту гражданку и деловито осведомляется:

— Скажите, пожалуйста, можно ожидать, что пожар перекинется на ту сторону улицы?

— Это зачем же? — с удивлением спрашивает начальник.

Гражданин в нарукавниках продолжает:

— Ах ты, боже мой! Я сам бухгалтер. Работаю в Пищесбыте. Наша контора акурат наискосок на той стороне. Так если пожар не может перекинуться к нам, то я свою отчетность могу пододвинуть к пожару... то есть наоборот. Если есть опасность, то я отчетность буду спасать в огне... то есть от огня...

А уже его отталкивает человек в буром пиджаке, с пухатым портфелем, и дрожащими губами говорит:

— Вы мне только скажите, в какой трубе загорелось сначала? Я, наконец, как управдом требую: скажите, в какой трубе?

Начальник говорит:

— Почему вы думаете, что загорелось в трубе?

— Ах, боже мой! Я-то как управдом знаю, что у меня в трубах сажа пять лет не чищена!..

— Пономарев, записывай! — говорит начальник.

А Пономареву записывать трудно, потому что около него вертится мальчик лет пятнадцати и канючит:

— Дяденька, не прогоняй меня!.. Дяденька, я хочу спастись. Дяденька, позволь мне кого-нибудь здесь спасти на пожаре!..

И новая гражданка, волнуясь, пищит:

— Я готова к худшему. Скажите мне прямо: шок от взрывов разрушается или нет?

— От каких взрывов? — спрашивают вместе начальник и Пономарев.

— От взрывов бензина. Вчера как раз я себе достала 200 грамм очищенного бензина — протирать лицо и другие испачканные ткани... И вот мое везенье: пожар! Скажите мне сразу: если будет взрыв, мое новое платье пострадает или нет?

Только успокоили гражданку, как трое подростков обступают начальника:

— Скажите, пожалуйста, что искры на этом пожаре все одинаковые? Зеленые, синие, белые, лиловые искры еще не летят?

Начальник спрашивает:

— Откуда же им лететь — цветным искрам?

— Из фейерверка из нашего. Пожалуйста, не говорите его маме, но мы у нее под кроватью сложили на 120 рублей фейерверка: всю зиму покупали к лету.

— Пономарев, пиши!

Солидный гражданин делового вида отводит начальника в сторону и внушительно говорит:

— Я бы вам не советовал допускать, чтобы пожар перекинулся в ту часть дома.

— Почему?

— Потому что в примыкающем доме, во флигеле производство целулоидных гребешков. И товар сложен в деревянном сарае. Так что взрывом мы обеспечены.

— Пономарев, пиши!

И еще кто-то:

— Скажите, пожалуйста, восемьдесят четвертая квартира не сгорела? Нет?! Очень жаль. Там такой прохвост живет — некто Сидорухин. Если бы вы знали, что это за человек, вы бы его от огня не отстаивали...

И вот, сколько времени мы ни стояли около этого дома, все открывались новые интересные вещи.

А вы говорите, маневры — бесполезная вещь. Очень полезная!

В. Ардов

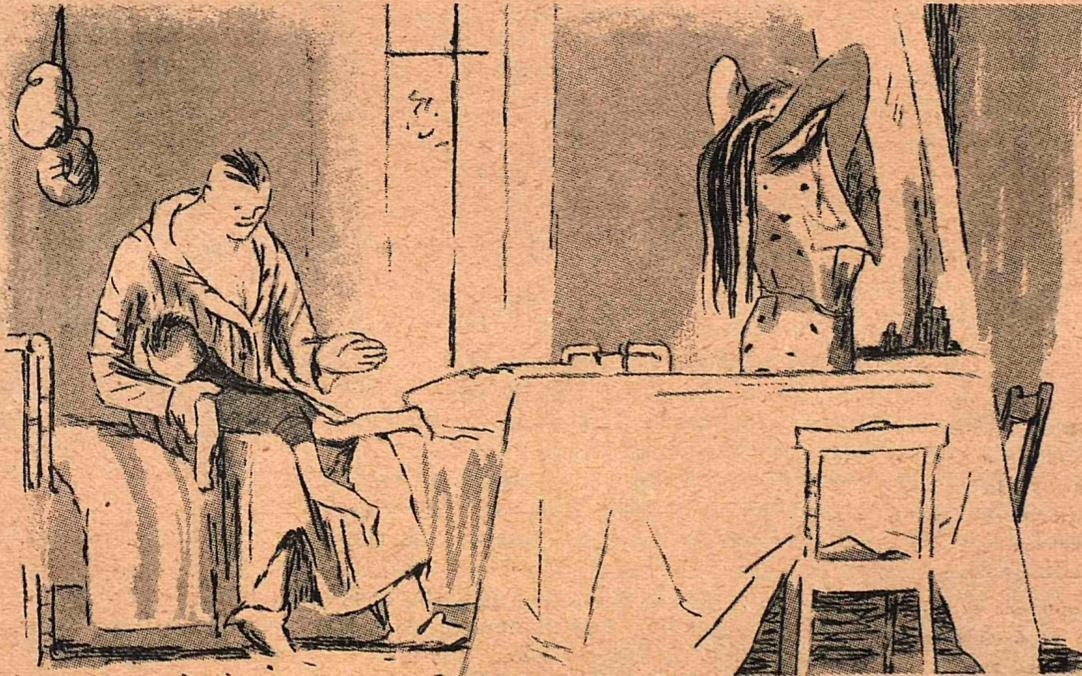

Рис. Л. Сойфергиса

В СЕМЬЕ БОКСЕРА

СЫН: — Ты не имеешь права! Удары ниже пояса запрещены!..

Происшествия

НА КНИЖНОМ БАЗАРЕ

Вчера на книжном базаре (Тверской бульвар) произошел из ряда вон выходящий случай: один из покупателей, студент Института волокна товарищ Р., спросил у продавца одного из киосков какую-то книгу и совершенно неожиданно получил ответ, что эта книга в киоске есть и может быть ему продана. Поскольку на книжный базар в этом году выделены только неходовые книжные товары, описанный выше инцидент не мог не вызвать самого широкого отклика среди посетителей базара. И действительно, студента Р. подхватили на руки и, качая, пронесли от памятника Тимирязева до памятника Пушкина. У памятника Пушкина выяснилось, что во время качания купленная им книга пропала. Это положило предел восторгам толпы, и студента отпустили.

ПРОПАЖА

В спортивных кругах недавно вызвало сенсацию полное исчезновение одного из спортивных обществ под названием «Химик-гладиатор». Циркуляры и запросы Комитета по делам физкультуры, направляемые в это общество, оставались без ответа. Посланный на место инструктор Комитета по делам физкультуры в забитой комнате, где прежде помещалось правление общества, нашел только часть документов этого общества. Личный состав исчез полностью.

Путем сопоставления фактов, а также уцелевших документов с трудом удалось установить, что рядовых членов общества в лучшие его времена было четыре человека плюс хромой сторож, который был зачислен в члены общества незаконно, поскольку не мог принимать участия ни в каком виде

спорта. За зиму все четыре члена общества полностью оторвались от общества. Мастер спорта Уреньев, состоявший в этом обществе на штатной должности инструктора, перекуплен другой спортивной организацией. Председатель общества перешел на другую работу. Ответственный секретарь находится в длительной командировке. Работники аппарата одичали и на службу не ходят.

Комитет по делам физкультуры все же пытается воссоздать спортивное общество «Химик-гладиатор», потому что если этого не сделать, то возникает опасность, что ряд других спортивных организаций также рассосется без всякого остатка.

К ДАЧНОМУ СЕЗОНУ

Несколько дней назад под вечер у одного из домов Староносковского переулка остановилась карета скорой помощи. Как это обычно бывает, прохожие собрались, чтобы посмотреть, за кем именно пошли санитары в под'езд дома. Через несколько минут санитары вынесли носилки, на которых под прикрытием простыни лежало что-то сильно вздувшееся. Санитары внесли носилки в карету, опростали их там и второй раз отправились в под'езд. Когда же санитары вынесли во второй раз носилки, опять поднялись в карету и с пустыми носилками в третий раз отправились в под'езд, в толпе началось сильное возбуждение. Стали говорить о массовом отравлении светильным газом или тройном убийстве из ревности. И лишь, когда карета скорой помощи отбыла в неизвестном направлении, собравшимся объяснила женщина, вышедшая из под'езда, что на самом деле имел место переезд на дачу врача, служащего в системе скорой помощи, и что ввиду трудности доставить грузовое такси врач пользуется уже третий год для этой цели каретой скорой помощи. Женщина назвалась домработницей этого врача, и толпа успокоенная разошлась.

Дозрел!

Дом был деревянный облезлый и очень густо заселенный. Стоял он на тихой, окраинной улице. Жили в доме разные люди, но все знали, что Петр Крюков, бывший проводник жестких вагонов, уволенный за какие-то темные делишки, занимавший комнату на втором этаже, — пьяница и дебошир, которому «не сносить головы».

Портной-брючник Иван Макарович, философ и моралист, говорил про Петра Крюкова так:

— Что такое Петр Крюков? Петр Крюков есть явление хулигана. Как таковой он не может долго удержаться в порах нашего социалистического организма. Дайте срок, и он, как бы это сказать, окончательно дозреет и перед всем обществом себя докажет.

— Скорей бы он дозревал, — вздыхали женщины, — а то ведь каждую ночь слушать его выражения сил нет!

— Потерпите, товарищи женщины.

«Дозревал» Петр Крюков очень беспокойно для окружающих.

Непонятно было, где он достает средства к жизни, но почти каждую ночь в маленькой комнате на втором этаже стоял дым коромыслом.

Раненым быком ревел баян, пол дрожал под каблуками плясунов, хриплыми тенорами гости Петра Крюкова орали лихую частушку:

«Меня милка провожала
И расстроилась до слез.
На прощанье целовала
Не меня, а паровоз».

Как-то после очередной такой попойки к портному заглянула Дуся Чижова, продавщица «эскимо», многострадальная соседка Петра Крюкова, поздоровалась и сказала:

— Иван Макарович, я насчет Крюкова. Жить же невозможно. Давайте напишем куда следует про него. Вы человек образованный, помогите.

Иван Макарович отставил пышущий жаром утюг, посмотрел на Дусю из-под очков ироническим взглядом, едко заметил:

— Между прочим, поспешность нужна лишь для ловли блох!

— Он ведь целый год вот так выкаблучивает, Иван Макарович.

— Все равно: рано! Заявление твое может играть роль лишь в домовом масштабе. А нужно, чтобы Петр Крюков доказал себя как явление хулигана для всего общества. По-моему, он вот-вот дозреет. Я каждый день, когда газету раскрываю, ищу про него в происшествиях.

— У меня дети через него плачут, Иван Макарович.

— Потерпи, Дуся: немного осталось ждать. А заявление сейчас подадим — хлопот не оберешься! Поди доказывай! А тут он сам себя не сегодня—завтра разоблачит. Думаю я, что обязательно он кого-нибудь побьет на трамвайной остановке. Или там в пивной набуянит. Его и заберут. Вот увидишь.

— Обожду еще день, Иван Макарович, и тогда без вашей подписи сама подам заявление.

Вечером того же дня Иван Макарович сидел в одной жилетке на скамеечке около дома и, покуривая, болтал с дворником Багровым. Вечер был тихий, пригожий. Вдруг из-за угла вышел Петр Крюков. Был он по обыкновению пьян. Кепка сдвинута на затылок, руки в карманах.

— Здорово, кривая игла, — кивнул он портному.

— Здравствуйте, — кротко сказал Иван Макарович.

— Дышишь?

— Дышу-с.

— А ну, подвинься!

Иван Макарович подчинился. Петр Крюков тяжело плюхнулся на скамейку и подозрительно посмотрел на портного:

— Ты чего, кривая игла, про меня на дворе треплешь?

— Ничего я про вас не треплю, товарищ Крюков.

— Нет, треплешь. Ты зачем меня нездозрелым называешь?

— Я не в том смысле, — сказал Иван Макарович, поднимаясь.

— Сиди! — Петр Крюков схватил портного за руку и потянул вниз. —

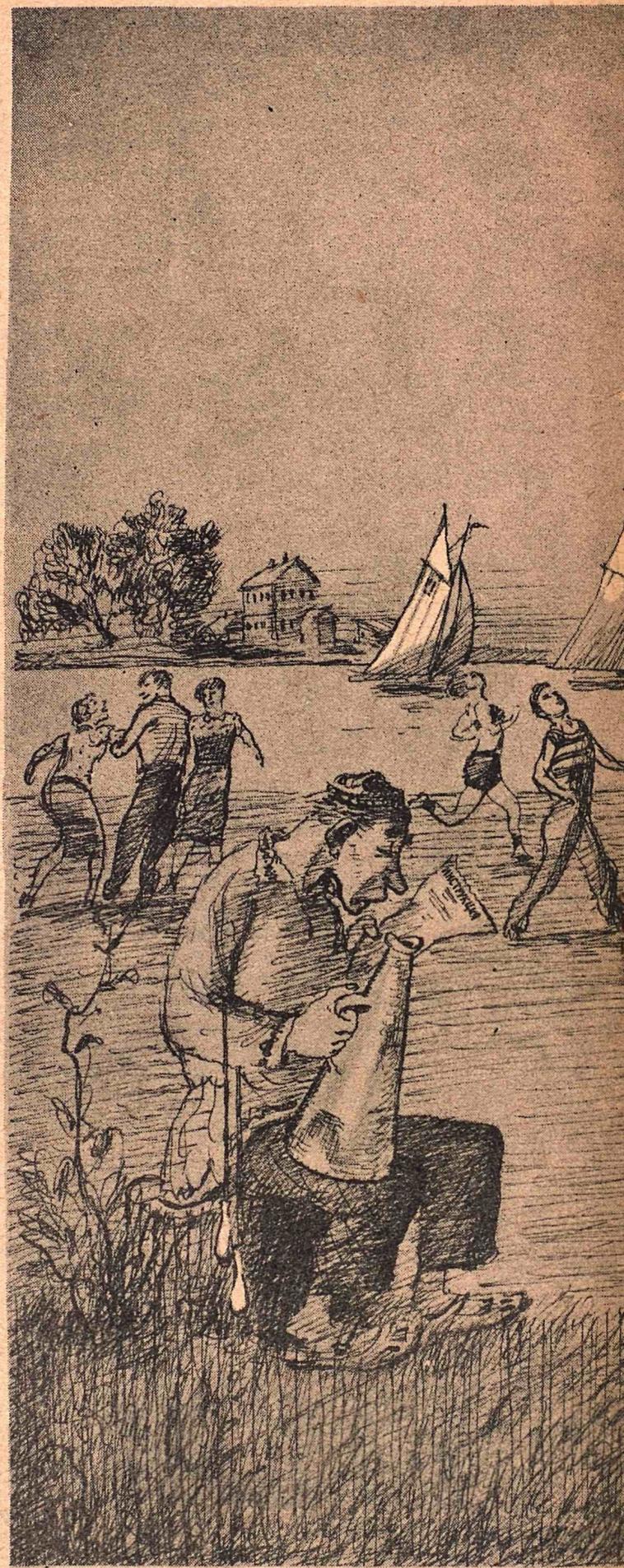
Я тебе сейчас покажу, какой я нездозрелый.

С этими словами он взял Ивана Макаровича одной рукой за грудь, а другой звонко ударил портного по щеке. Дворник Багров тихо ахнул и схватил хулигана за плечи. Тот обернулся и пнул дворника ногой в живот. Началась свалка.

А через пять дней Иван Макарович, философ и моралист, стоял с перевязанной головой в камере народного судьи и, показывая на угрюмо молчавшего Петра Крюкова, говорил горячо и убежденно:

— Что такое Петр Крюков, граждане судьи? Скажу как потерпевший: Петр Крюков есть окончательно созревшее явление хулигана.

Леонид Ленч

РЫЦАРЬ ПЕ

День полон в
И только зат
«Один он нав
Один он печ

Стреляный воробей

Заведующий отделом кадров Лонгшезснаба в Эзезжем Барбак, полный, приземистый старик с большой яйцеобразной лысиной, удовлетворенно воскликнул:

— Вы являетесь именно тем специалистом, который нам сейчас срочно необходим!

Сидевший напротив него молодой инженер Гуроноу спросил:

— Когда можно приступить к работе?

— Хотя бы завтра. Да, чтобы не забыть, покажите вашу справку с последнего места работы... Что?..

Лицо заведующего мгновенно стало сухим и непроницаемым. Коробка папирос «Казбек», гостеприимно лежавшая на столе, так быстро исчезла в одном из ящиков, будто растаяла.

— Тут написано: «по сокращению штата», — сказал заведующий кадрами. — Что это значит?

Удивленный Гуроноу развел руками.

— Мой цех перевели на завод в областном центре...

Яйцеобразная лысина Барбака покраснела:

— Товарищ Гуроноу, я разговариваю с вами вполне официально. Нам нужно знать, какова действительная, понимаете, действительная причина вашего увольнения.

— Но причина ведь написана в справке.

— Неужели вы думаете, что я сижу здесь для того, чтобы верить таким справкам? Мне нужны факты.

Голос Барбака внезапно стал вкрадчивым:

— Послушайте, будьте благоразумны... Если это в порядке склоки, даю вам слово, что завтра будете работать. Склока? По глазам вижу, что она... Да? Да?

Гуроноу возмущенно встал:

— Я буду на вас жаловаться!

— Ну хорошо, пусть не склока, — примиряюще сказал Барбак. — Только назовите причину. Дебош? Беру... Систематические прогулы, пьянство? Беру... Знаете что? — умоляюще добавил он. — Я готов даже и на «развал работы». Только сознайтесь... Куда же вы? Подождите!.. Ушел...

Оставшись один, Барбак вытер обильно струившийся с его головы пот и позвонил на завод, где раньше работал Гуроноу.

«Меня не проведешь, — подумал он, — все равно узнаю... Алло, с вами говорит заведующий отделом кадров Лонгшезснаба. Нам нужно знать причину увольнения инженера Гуронова. Что?.. Ну, да это написано в справке, а какова действительная причина? Как, то же самое? Вы вводите в заблуждение государственное учреждение, это — хулиганство! Все равно узнаю!

Возмущенный Барбак бросил телефонную трубку и немедленно написал несколько таинственных запросов.

— Предчувствие не обманет меня, — сказал он, сдавая запечатанные бланки секретарю. — Уверен, что антиобщественник. А то и похуже, знаете...

Между тем Гуроноу шел по улице бормоча:

— Что же делать? Что же делать? Если я пожалуюсь, будет волокита, а работы не будет. Если я не пожалуюсь, не будет ни волокиты, ни работы...

Внезапно Гуронова осенила блестящая идея. Он ахнул, остановился посреди улицы и вдруг, приплясывая, побежал на завод, где раньше работал. В кармане он сжимал рукой злополучную справку.

Через два часа счастливо улыбающийся Гуроноу постучал в кабинет к начальнику отдела кадров Лонгшезснаба.

— Можно? Товарищ Барбак, я решил сознаться. Вот справка. Здесь все написано.

Покровительственно улыбаясь, Барбак развернул справку. Там после слов «по сокращению штатов» было дописано: «Пропустил два занятия кружка текущей политики. Должен за три месяца в профсоюз».

— Теперь все в порядке, — добродушно заметил Барбак. — Завтра можете приходить на работу.

— Понимаете, — заторопился Гуроноу, — один раз жена была больна, другой раз в цехе...

— Ладно, ладно, это меня не интересует. Эх, молодой человек, и кого вы думали провезти? Специально для этого сижу здесь. Стреляный воробей!

А. ГОХМАН

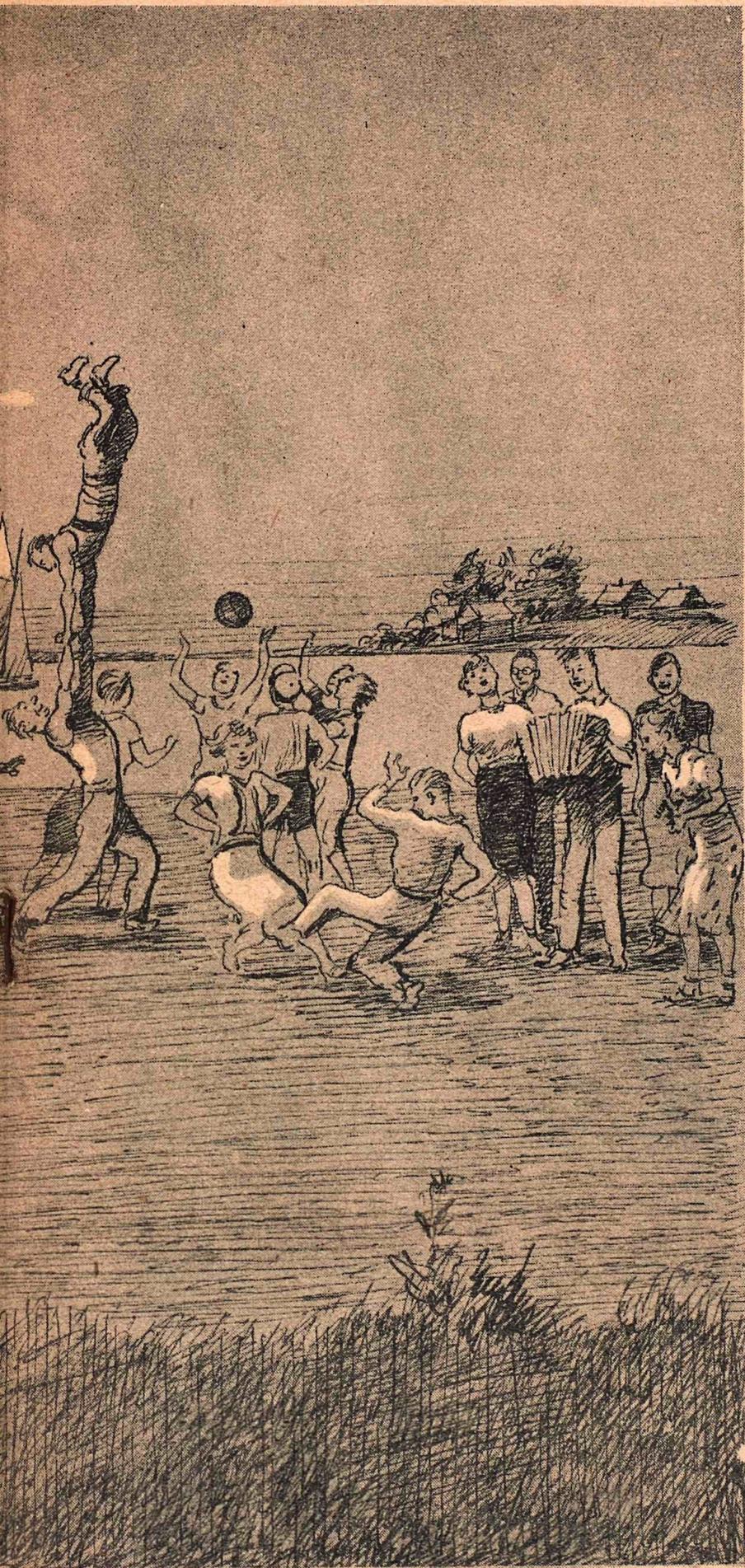

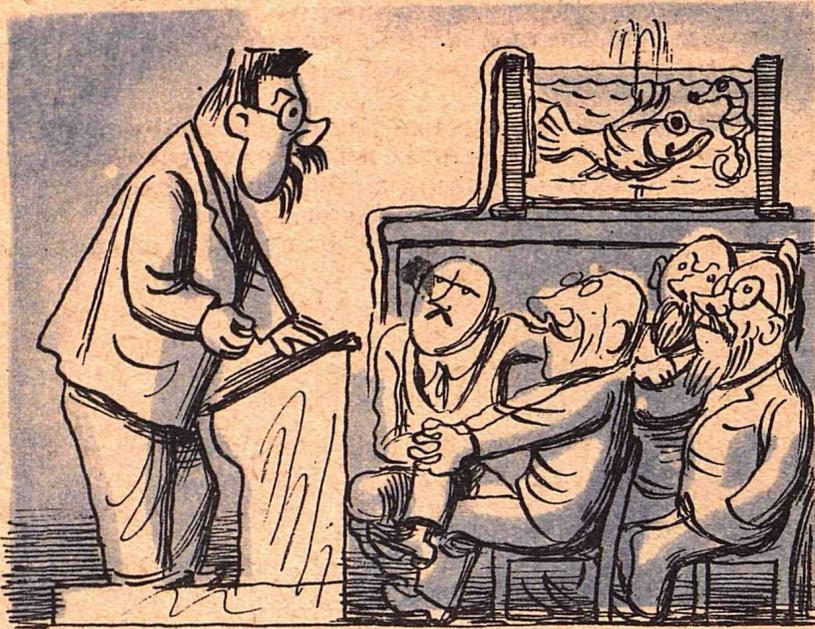
Рис. К. Ротова

ЧАЛЬНОГО ОБРАЗА

еселья и песни так звонки,
ейники, как туча, в сторонке.
одит унылую тень,
млит ликующий день»

УТОМЛЯЕМОСТЬ РЫБ или ДОХОДНОЕ МЕСТО

Рис. Н. Радлова

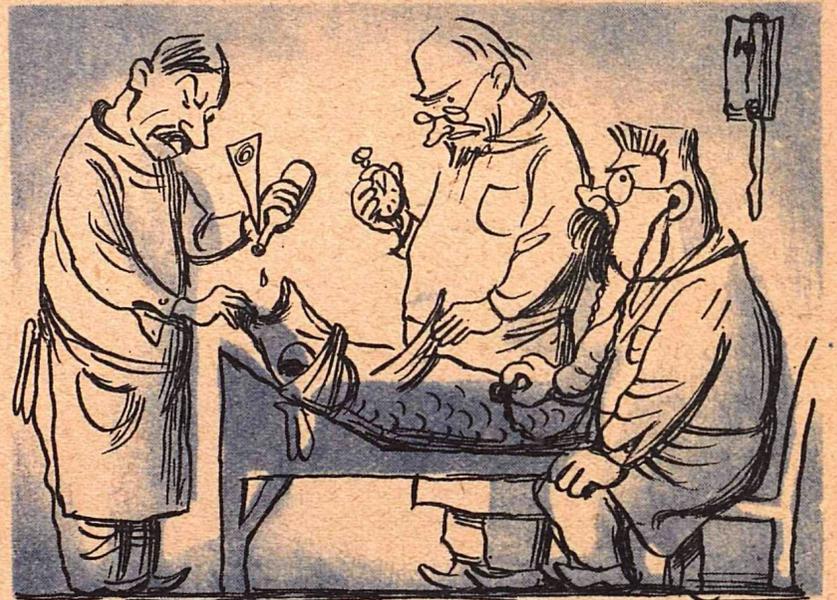
— Влияние водопадов на утомляемость рыб — важнейшая проблема современности. Мы обязаны ее разрешить, и мы ее разрешим!..

Крупная, до зубов оснащенная экспедиция прибыла в район водопадов.

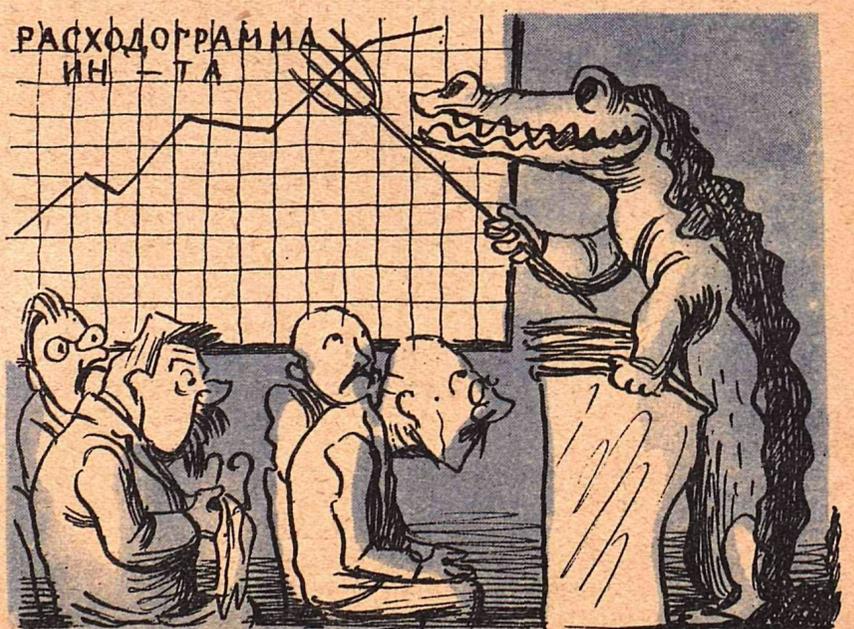
— Записывайте, коллега: рыба сделала за минуту три судорожных движения хвостом. При падении воды на голову дважды открывала рот.

— Гм... Пульс учащенный!.. Конечности холодные!.. Чешуя медленно встает дыбом!..

— Итак, я считаю доказанным, что речная рыба, подставленная под падающую струю воды, испытывает интенсивное утомление. Мы вычислили точно, во что обходится бедной рыбке эта динамическая нагрузка.

КРОКОДИЛ: — А теперь давайте выясним, во что обошлись государству эти псевдонаучные упражнения.

Тамада

«Нет, довольно, — сказал я себе, смотря в зеркало, — больше я не пью!.. Дальше так жить невозможно! Алкоголь вреден для здоровья... Спать ложиться поздно, встаешь с разбитой головой. Работать не хочется. Скоро соревнования. Да и достаточно надоели все эти бессмысленные вечериночные знакомства. Как все это глупо!.. Бросаю!»

Я открыл форточку, вдохнул полной грудью свежий воздух и решил начать новую жизнь. Нет, не завтра, не с выходного, и не с первого, а именно сегодня, не откладывая в долгий ящик, не медля ни одной минуты!.. Довольно прожигать свою молодость! Жизнь человека коротка, и надо прожить ее разумно и на пользу обществу...

Я позанимался гимнастикой, выпил чаю, составил твердое расписание дня — и решил не отступать от него ни на шаг. Сначала я пообедаю, затем поеду на завод, потом в водный бассейн, оттуда домой и сейчас же за стол, за чистый, святой, нетронутый лист бумаги — и работать, работать над своим изобретением, как черт, как сто тысяч чертей!.. Всю ночь, до утра, до самого рассвета. Утром приму душ и с легким безмятежным сердцем усну на чистой постели. Нежные, детские сновидения будут наградой мне за честный труд, за эту сладостную ночь.

Так я думал, выходя из парадного на улицу.

День был прекрасен, светило солнце, прохладный весенний ветерок покачивал ветви деревьев, на бульваре веселилась жизнерадостная детвора, я дышал полной грудью, направляясь в столовую.

Он сидел в углу под пальмой, в окружении незнакомой мне компании. Увидев меня, он радостно вскочил из-за стола.

— Дружище! Сколько лет, сколько зим! Прощу к нашему шалашу!.. Товарищи, знакомьтесь — мой лучший друг, инженер, талантливый изобретатель и чемпион по плаванию!

За столом сидела бледная, изящная девушка, седоголовый старик, отец девушки, и скромный молчаливый человек с запыренными усами, как выяснилось, — шофер какого-то учреждения. Это были симпатичные советские люди. Сказать откровенно, его-то самого я и не знал. Звали его нето Яшей, нето Аркашей. Мы познакомились где-то на пляже, изредка я встречал его в театре, на футбольных соревнованиях, в водном бассейне, но чаще всего на вечеринках. Он произносил тосты, разливал вина и славился как великий специалист по спаиванию самых убежденных трезвенников. Это был признанный тамада. Он знал людей самых различных кругов и профессий. Трудно было определить его собственную специальность, но все считали его «своим парнем», охотно давали рекомендации и с открытой душой вводили в круг своих знакомых.

Официант поставил на стол большой графин водки и две бутылки вина.

— Мне не наливайте, — умоляюще произнесла девушка, — у меня сердце больное.

— Серьезно? — переспросил тамада и бодро налил ей водки.

Быстрыми артистическими движениями он наполнил остальные бокалы:

— Друзья, выпьем за тот белый цветок, который украшает наше скромное мужское общество!.. Первый тост за женщин!

Никто из компании не шевельнулся. Тамада изумленно оглядел присутствующих, взгляд его остановился на шофере.

— И ты, Брут?..

— Мне нельзя, — возразил шофер, — я при исполнении служебных обязанностей!..

— Чепуха!.. Гигант здоровья, бык, и вдруг отказывается выпить за женщину?! Неужели не стыдно?.. И уж стакан там какой бы, а то маленький, крошечный наперсток... Как страшно измешчал народ!..

Шофер нерешительно передвинул бокал.

— Смелей, смелей, набирай высоту!.. Я где-то в книжке читал, как пьют летчики... Каждая профессия имеет свою норму. Слесаря пьют в шплинт. Портные — в лоск. Плотники — в доску. Печники — в дымину. Железнодорожники — в дребезину. Попы — до положения риз. Сапожники — в стельку. Поэты, как сапожники. А вот у летчиков и шоферов нет нормы!

И тамада устремил свой ядовитый взор на старика.

— А вы, папаша?..

Старик закашлялся.

— Обыкновенное притворство! Кашель, как защитный рефлекс... А вообще из него четырех летчиков можно сделать!

Широкой ладонью он хлопнул старика по худой спине:

— Железо!.. Типичная юношеская спина!

— Так уж и железо! — произнес польщенный старик и дрожащей рукой взялся за стопку.

— Вот она, сила казачья!.. Ну, а вы?..

— Не пью, — твердо ответил я.

— Неужели?..

— Бросил.

— И давно?

— С сегодняшнего утра... Решил начать новую жизнь. Спать ложиться поздно, встаешь с разбитой головой...

— Так-так-так, — произнес ехидно тамада, — песочек посыпался?..

— Какая чепуха, я вполне здоров и достаточно молод... Спортом занимаюсь.

— Нет, батенька, годы берут свое! Но говорить об этом в присутствии девушки...

— Немного выпью, но только натурального... — нерешительно согласился я.

Кому не обидно сознаваться в своей старости!.. И мы дружно выпили: старик, шофер, тамада, я и девушка. Так мы доказали, что есть еще порох в пороховницах и не пнетя казачья сила!

В сущности, что стоило выпить одну маленькую рюмку? Старик, желая доказать свою железную силу, предложил выпить по второй. Я почувствовал, как хорош мир и милы люди. Мы выпили по третьей.

«Как же с работой, — тревожно произнеслось в моей голове. — Впрочем, что же тут страшного, ведь старик тоже не работает, и девушка не работает, а чем я лучше их?.. Начну новую жизнь с завтрашнего дня!» — махнул я рукой и с радостным сердцем предложил по четвертой.

...Мы вышли на улицу в три часа ночи. Шофер тащил, обняв за талию, старика и обессилевшую девушку.

Проснулся я на другой день на чьей-то чужой постели с противным ощущением во рту. Чертовски болела голова. Проклиная себя и тамаду, больной и разбитый, я потащился домой. Мне было стыдно за бессмысленно потраченную ночь.

На улицах уже горели фонари. Проходя по переулку, я вдруг услышал из окна звуки патефона и знакомый голос:

— Товарищи, выпьем за тот нежный цветок, который украшает наше скромное общество. Пью за хозяйку дома!..

Я плюнул и торопливо пошагал дальше.

Недели через две я участвовал в соревнованиях по плаванию. Мы сидели в парке культуры и отдыха, в пловучем ресторане, и пили кофе. И вдруг я увидел его: в светлом роскошном костюме, в туфлях на каучуковой подошве. Широко раскрыв объятия, он бросился к нашему столу.

— Друзья! Сколько лет, сколько зим!

Он знал не только меня, но и всех остальных участников.

— Ну как, ребятки, выпьем?

Я подмигнул ребятам.

— В чем остановка!

— Эй, графинчик! Да побольше там!..

Великолепным жестом он приподнял над головой стопку.

— Итак первый тост...

— За нежный цветок, украшающий... — крикнули мы хором и подняли его на воздух.

— Качнем, братцы!

Тамада не выпускал из рук наполненной стопки.

— Ура-а! — крикнул он с воодушевлением.

Мы раскачали его и вместе со стопкой легонечко бросили в воду. С верхней палубы ресторана. Без парашюта. Он долго барахтался в воде, пока его не подобрала проходившая мимо лодка. А мы пошли на водную станцию: соревнование началось через полчаса...

Иван Рахилло

Рис. Бор. Ефимова

ТОЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

— Сообщите в официальной сводке, что охваченные энтузиазмом японо-монгольские войска стремительно бросились к китайским позициям.

Вместо рецензии Обследовани^{ем} установлено...

Это даже интересно.

Давно уже не было такого положения, чтобы спектакль очень понравился одной части публики и очень не понравился другой части. Мнения теперь возникают согласные. А тут даже и не спектакль, а роль. Одна-единственная роль очень нравится большей части публики и яростно не нравится меньшей части.

Впрочем, возьмем по порядку.

Несколько месяцев тому назад театральная Москва с интересом узнала, что артист Игорь Ильинский поступил в труппу Малого театра.

— Воображаю! — скептически говорили ревнители и ценители. — Воображаю, что из этого получится! Он им покажет! Он накрутит! Мейерхольдовский-то выученик! Будьте уверены!..

Потом появилось сообщение, что Ильинский репетирует Хлестакова

в «Ревизоре». Ревнители и ценители каркали:

— Воображаю! Он им покажет! Он накрутит!..

События надвигались. Пошли новые слухи о том, что на генеральной репетиции с участием Ильинского одна из ведущих артисток Малого театра, стуча кулаком по режиссерскому столу, кричала, что нельзя в Доме Щепкина, в Малом театре, устраивать цирк. Справедливость требует отметить, что именно эта ведущая артистка была обвинена прессой в том, что в одном из последних спектаклей играла с большим шаржем, «не в плане», «не в разрезе» и художественного образа недодала намного.

Ревнители и ценители хихикали: — Слыхали? Игорь-то Ильинский в Малом театре играет Хлестакова, а у самого рыжий парик и волосы поднимаются, как у клоуна, когда городничий приходит к нему в номер. Нос красный, а на штанах сзади нашита луна. Перед Марьей Антоновной стано-

вится не на колени, а на руки. И так уходит со сцены...

Потом состоялся спектакль. Пресса хвалила, то есть хвалила Ильинского, потому что спектакль в целом был оценен раньше. Рядовая публика была очень довольна. Но ревнители и ценители (московские и случившиеся в это время в Москве ревнители провинциальные) очень сердились. Ревнители вещали:

— Конечно! Мы же говорили! Мы предупреждали! Вот оно! Так и надо! Разве можно?.. и т. д.

Ввиду всего изложенного редакцией Крокодила была создана комиссия в составе пишущего эти строки. Комиссия произвела обследование спектакля «Ревизор» в Малом театре с участием Ильинского в роли Хлестакова. Обследовани^{ем} было обнаружено, что, действительно, артист Ильинский, И. В., 37 лет, женатый, беспартийный, член профсоюза Рабис, под судом и следствием не состоявший, приводов не имевший, испол-

няет роль Хлестакова, И. А., ко-
ему, по авторской ремарке, от
роду 22 года. Разницу в годах
между исполняемым персонажем
и собою означенный Ильинский
скрывает столь искусно, что
производит полное впечатление
двадцатидвухлетнего шелопака трид-
цатых годов прошлого века.
Смех у зрителей означенный
Ильинский вызывает беспрестанно,
не прибегая, однако, к недозво-
ленным приемам или к приемам,
принятым в зрелищных предпри-
ятиях, входящих в систему Управ-
ления госцирков. Означенный
Ильинский роль проводит в тонах
вполне реалистических, в каком-
то реализме превосходит 60—75%
своих партнеров по спектаклю,
хотя таковые и принадлежат из-
давна к штатным работникам Ма-
лого театра, каковой, как извест-
но, является старинным расадни-
ком реализма на русской сцене.
Указанные же 60—75% партнеров
Ильинского несмотря на давнюю
принадлежность к труппе Малого
театра полностью заштамповались,
реплики произносят вступую и
смеха у зрителей не вызывают не-
смотря на превосходный комиче-
ский текст Гоголя. Означенный же
Ильинский, например, в третьем
акте...

При воспоминаниях об игре Иль-
инского в третьем акте комиссия
(в лице пишущего эти строки) за-
улыбалась, потом рассмеялась, по-
том опять стала улыбаться и со-
вершенно утратила способность
продолжать протокол. В самом де-
ле, какой может быть протокол!

На сцене Малого театра впер-
вые после многих лет появился
Хлестаков — настоящий Хлеста-
ков в исполнении умном, дарови-
том и вполне реалистическом.
К реализму мы еще вернемся, а
сперва хочется сказать о том ощу-
щении встречи с настоящим та-
лантом, которое ни на секунду не
покидает зрителя, пока по сцене
ходит Ильинский. Это подлин-
ная одаренность, это тот соб-
ственный, неповторимый тембр не
только в голосе, но и в интона-
циях, в манерах, в жестах, в дви-
жениях, который встречается не
так часто и который увлекает зри-
теля всегда и везде.

Ильинский играет Хлестакова
барчком, склонным «срывать
цветы удовольствия», не задумыва-
ясь ни о, праве своем, ни о сути
этих самых удовольствий. Все его
помыслы, весь ход мыслей этой
личности ясен, будто черепная ко-
робка его прозрачна. Могучий
(другого слова и не подберешь)
текст Гоголя помогает актеру, обо-
гащает его, дает удивительную и
неожиданную для Ильинского лег-
кость.

А что касается «ревнителей» и
«ценителей» (их давно надо было
взять в кавычки, пожалуй, зря мы
с ними церемонились), то «рев-
нителям» и «ценителям» внутри
Малого театра и вне его мы
скажем:

— Гр. гр. ревн. и цен.! У нас
в стране во всех областях нужны
только такие ревнители и такие
ценители (уже без кавычек), ко-
торые не боятся нового, которые
умеют ценить приток новых сил
и ревнуют о пользе дела, а не об
охране пустых форм, хотя бы и
очее-ень старых. Запомните это,
граждане ревнители и граждане
ценители.

Засим комиссия считает свои
труды законченными.

ИВАН ДИТЯ

Хорошо-приятно...

(Сказочка быль)

Жил-был на свете директор. Так хотелось директору, чтобы все шло хорошо, хорошо-приятно... Чтобы в тресте хвалили, сотрудники были довольны, не сердилась теща...

Пришла раз к директору бумажка из треста. Очень сердитая бумажка. У нас так запутана отчетность, что ничего нельзя понять! Немедленно сообщите выполнение плана.

Перепугался директор, сел, считает. Только сорок восемь процентов. Но нельзя ведь так ответить тресту? Ох, нельзя... И директор написал: «106 и даже чуть-чуть больше».

Легко написать «106». А вдруг проверят? Неприятно. И директор включил в графу «выполнено» холодильные шкафы и прилавки... неостекленные, непокрашенные, незаконченные... Снова все стало хорошо.

Тут приходит к директору другая бумажка, еще того сердитее. Сообщается в бумажке, что тресту все известно и что трест, считая недопустимым, предупреждает и так далее...

Опечалился директор:

— Кто же это такой мне все время гадит?

Директору и говорят:

— Это заведующий плановым отделом.

— Плановик?! Немедленно уволить плановика.

Директору и говорят:

— Как-то не за что уволить плановика...

Тут директор совсем вскипел.

— Я, — кричит, — шесть заведующих снабжением уволить! Я трех начальников производств уволить! Двух техноруков уволить! А двух плановиков? Что же, я — третьего не одолею?

— Так не за что, третьего-то...

— Изготовить мне на подпись приказ № 102! — крикнул дирек-

тор машинисткам. — Указать в приказе № 102: «Уволен за невыход на работу 27 и 28 марта».

Директору и говорят:

— Ведь плановик 27 и 28 марта в трест ездил. Оттуда с вами по телефону разговаривал.

— Это мне официально неизвестно, — нашелся директор. — Может, этот плановик 27 и 28 марта напролет в волейбол проиграл. В наши дни на каждой площадке не то что телефон, но два громкоговорителя установлено...

Отстукали машинистки приказ № 102, и опять все стало хорошо...

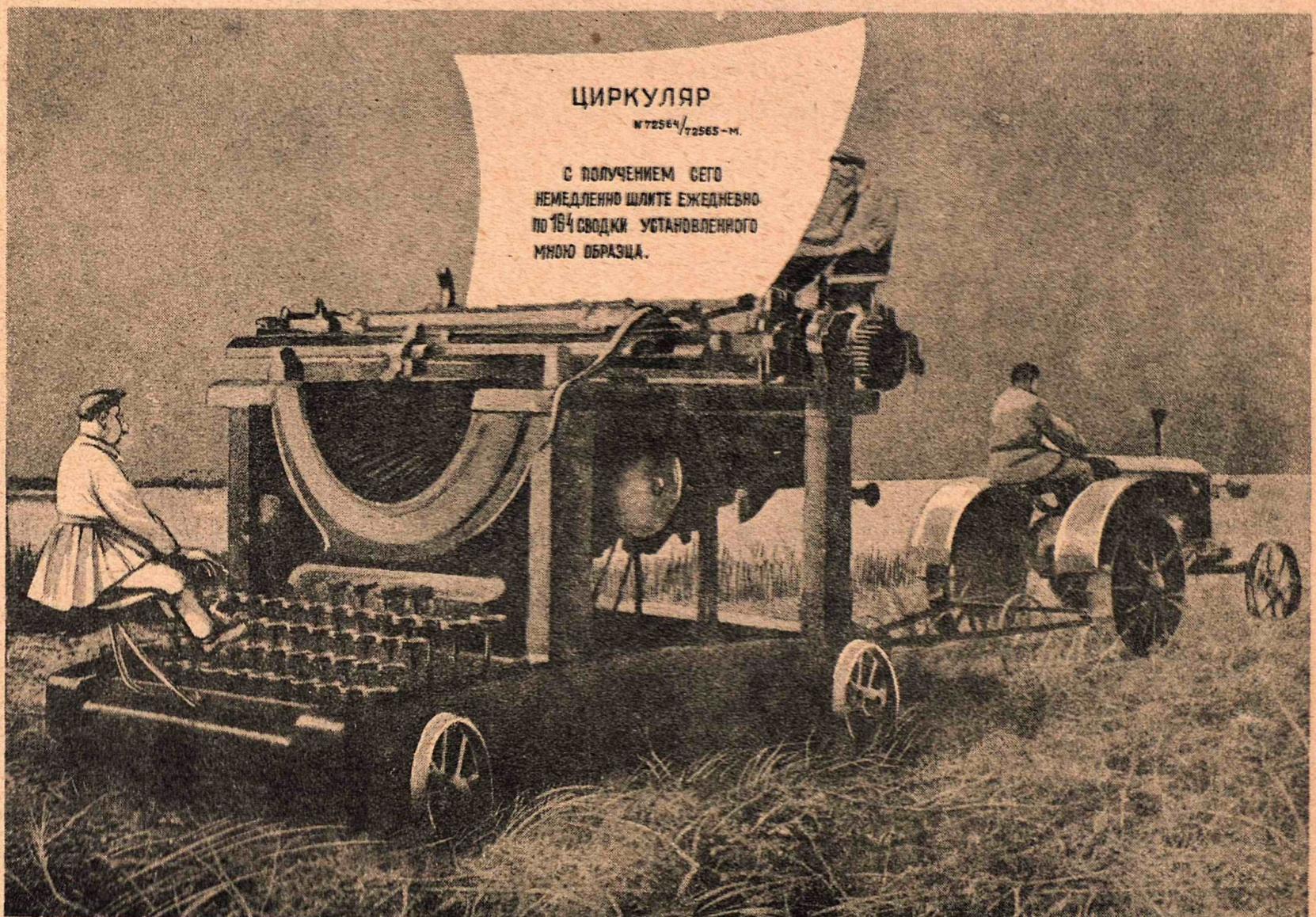
Хорошо, да не надолго. Почему-то не понравился дотошному плановику приказ № 102, и плановик пожаловался в трест: я у нас был, 27 и 28 марта весь день сидел, а меня за это уволили... Вспомнили в тресте — действительно был. Пишут из треста директору: нехорошо, мол...

Получил директор их распоряжение № 37 и говорит: «Ах, так? А ну, изготовить мне на подпись приказ № 153 от 2 июня. Указать в приказе первым пунктом: «На основании распоряжения треста увольнение плановика отменяю». Указать вторым пунктом: «Объявляю плановику выговор за уход с завода 27 и 28 марта без моего ведома». Указать третьим пунктом: «Увольняю плановика, так как он плановик, а не деревообделочник». Здорово?

Отстукали машинистки приказ № 153 — и опять все стало хорошо, хорошо-приятно...

Так вот, жил, значит, был... Да что там: и поныне здравствует директор деревообделочного завода № 1 И. Л. Флиг. Управляющий трестом «Мостехторг» Токмачев с ним живет в мире.

И. СЕВИН

Фотомонтаж Б. Клипча

Пробный выезд в поле одесского облземотдела.

Рис. М. Черных

НАШЕЛ ВЫХОД

— Опять у вас аспиранты не загружены. Отправьте их в седьмую аудиторию: там нужно переставить шкаф.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

ЗОЛОТАЯ МОЛОДЕЖЬ

Недавно отдел кадров Главного управления золото-платиновой промышленности Наркомтяжпрома СССР получил из Харькова открытку. Посмотрели в отделе кадров на адрес отправителя: «Харьков, Каплуновская, № 8, Художественный техникум» — и чрезвычайно удивились: «Ах, как приятно! — сказали в отделе кадров. — Молодая художественная поросль предлагает нам свои услуги для работы в школах золотой промышленности. Посмотрим, что написано на обороте открытки.

Посмотрели и ахнули. Вот что писала «поросль»:

«Просим дать нам ответ о следующем. Мы желаем поступить работать, в кондестию на два года с подпийской но лишь только получать зарплату золотым рублем и еще просим дать нам подробные сведения о местонахождении и условиях работы.

**Р. ХАЙТИН
Т. БРИСЕНКО».**

Итак, Р. Хайтин и Т. Брисенко непрочь послужить нашей золотой промышленности, но только за золотые рублики. Стиснув зубы, золото-платиновая промышленность обойдется как-нибудь без высококвалифицированной помощи этих юных хапуг.

Публикуем это поразительное письмо для того, чтобы дирекции и общественным организациям Харьковского художественного техникума, воспитавшим авторов этого письма, стало стыдно.

ГРАНИЦЫ

Не желая отставать от жизни, редактор «Казахстанской правды» Д. Терентьев перед выборами в Верховный Совет КазССР решил совершить с читателями на страницах редактируемой им газеты экскурс в географию республики.

И совершил. 9 мая он поместил статью «Советский Казахстан», в которой уведомляет избирателей, что

«с севера Казахстан граничит с областями РСФСР, с юга — с Туркменской, Узбекской и Киргизской ССР, а на западе — с Китаем».

Последнее обстоятельство — не факт. С Китаем Казахстан граничит совсем наоборот — на востоке. Это видно даже из приведенной тут же в газете карты республики. С чем граничит небрежность редактора, пусть судят читатели. Но что география для Д. Терентьева — «китайская грамота», — это факт. Это видно опять-таки из газеты.

КРУГЛЫЕ СУТКИ

Говорят, что не позже чем за месяц товарищ Садыков, секретарь Кировского райкома коммунистической партии Туркменистана, ставит свою супругу в известность о предстоящих собраниях партактива. Но даже и в этих случаях она едва поспевает снабдить его всем необходимым.

Задолго до собрания напекаются пончики, яйца варятся вкрутую, рядом с пятью пачками папирос в дорожный чемоданчик укладываются два чистых полотенца и ночные туфли... На заре супруга поднимает детишек попрощаться с родным папой, словно тому предстоит пересечь пешком знойную пустыню Кара-Кумы.

Впрочем, пустыня не может идти ни в какие сравнения с тем, что ожидает товарища Садыкова. Утром 25 апреля он открыл собрание партийного актива и заседал... непрерывно до утра 26 апреля. В середине ночи самые испытанные ораторы запросили пощады, но товарищ Садыков вел собрание твердой рукой...

АРИФМОМЕТРИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

В третьем классе одной минской школы учитель дал ребятам такую задачу: «Кладовщику выдали 1 000 рублей для покупки арифмометров. На остаток суммы ему поручили закупить настольные блокноты. Сколько арифмометров «Феликс» и сколько блокнотов купил кладовщик, если арифмометр стоит 230 рублей, а блокнот — 5 рублей».

Большинство ребят принесло ответ: «Кладовщик купил 4 арифмометра и 16 блокнотов». Только один Коля А. написал в решении: «Был куплен один арифмометр и 68 блокнотов».

— Объясни, как ты решил задачу? — спросил Колю учитель.

— Я сложил стоимость арифмометра и стоимость чернил, без которых заведующая минской базой Союзкультторга Нахманович отказывается отпускать арифмометры, — ответил мальчик. — У меня получилось: $230 + 430 = 660$ руб. Остаток в 340 рублей я разделил на 5, т. е. на стоимость одного блокнота. Вот и все».

Как оценил коливо решение учитель, мы не знаем. Нас больше интересует, какую оценку действиям Нахманович даст минская торговая инспекция.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Разреши познакомить тебя и твоих читателей с чрезвычайно энергичным мужчиной, до сих пор, к сожалению, пребывающим в неизвестности для широких масс трудящихся. А жаль. Незаслуженно это!

Фамилия его — Неймер. Должность — коммерческий секретарь Аркадия Васильевича Чапаева, младшего сына славного героя Красной Армии — Василия Ивановича Чапаева. Занятие — заключение договоров с организациями и учреждениями на устройство докладов Аркадия Васильевича о своем отце на тему «Чапаев — человек и полководец».

Согласно планам упомянутого Неймера, Аркадий Васильевич совершает сейчас турне по Союзу, делая иногда в день до 10, а то и больше докладов. Один из них нам довелось слышать.

Продолжался он 45 минут и ничем особенно выдающимся не отличался. Гвоздь доклада был в конце. В вопросах и ответах.

Именно тут выяснилось, почему сведения докладчика несколько расходятся с неизвестными для всех документами об историческом образе В. И. Чапаева. Вот что рассказывал Аркадий Васильевич об известном кинофильме братьев Васильевых:

— Фильм искажает действительность. Мой папа ежедневно брился. Что он не знал, что такое III Интернационал, — тоже ложь. Я хорошо помню, как отец еще в июле месяце 1916 года вступал в большевистскую партию.

— Вот как? Помните? — спрашивали его слушатели. — А сколько же вам тогда было лет?

— Шесть. Но я помню не только это! Я хорошо знаю, что пулеметчицы Анки в Чапаевской дивизии тоже не было.

И много еще странных вещей рассказывал Аркадий Васильевич к удивлению слушателей. Неточности фильма докладчик объясняет тем, что

режиссеры картины не проконсультировались у него. И Фурманов тоже не консультировался... Поэтому и Фурманов, заявил Аркадий Васильевич, тоже искажил действительность.

Выяснилось также, что у Аркадия Васильевича есть и литературный секретарь, товарищ Матковский, который помогает ему писать книгу об отце, восстанавливать, так сказать, историческую действительность.

Приехав с гастролей из Днепропетровска, Аркадий Васильевич за два дня сделал в Полтаве двадцать докладов и отбыл в Кременчуг. После каждого доклада Неймер получает с организаций и учреждений, которые пригласили сына Чапаева для кратких воспоминаний о своем отце, от трехсот до семисот рублей. Берут они деньги («на организационные расходы») везде: на предприятиях, в школах, в рабочих клубах, в студенческих и партийных организациях...

Дорогой Крокодил, очень прискорбно, что сын Чапаева

так легко попал в руки «коммерческих» и «литературных» дельцов типа Неймера и Матковского и согласился на эту гастрольную поездку, оскорбляющую славную память его отца. А еще более жаль, что такая колоритная фигура, как Неймер, до сих пор пребывает в неизвестности. О нем должны знать все.

Н. СЕМЕНОВ.

Полтава.

Дорогой Крокодил!

Я прошу тебя узнать, довольны ли секретарем Мичуринского горкома ВКП(б) тов. Колесниковым его личные знакомые? Часто ли он пишет открытки друзьям своего детства? Может быть, тов. Колесников предпочитает отвечать на заказные письма? Или на телеграммы-молнии?

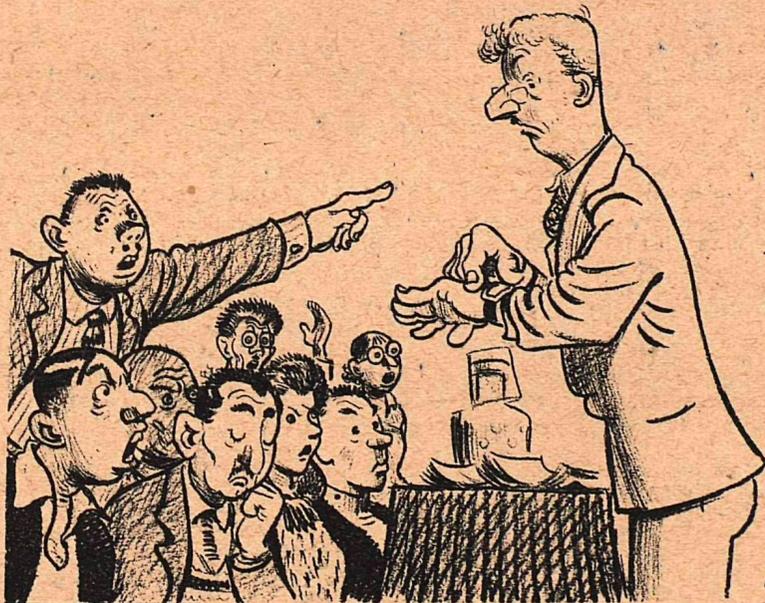

Рис. Ю. Ганфа

ЗАТЯНУВШЕЕСЯ ВЫСТУПЛЕНИЕ

— Товарищ оратор, если вы на часы не смотрите, так хоть на календарь поглядывайте.

Дело в том, что хотя я и не прихожусь ему добрым знакомым, но живо заинтересован в переписке. Точнее, в ответе тов. Колесникова на 2 письма, посланные лично ему, на 2 письма, отправленные на имя инструктора горкома тов. Замыцкой и на несколько писем просто в адрес горкома.

Во всех письмах я задавал только один коротенький вопрос: где находится мое личное партийное дело?

Я работаю сейчас в г. Н.-Ломове, Тамбовской области, в редакции газеты «Социалистический путь». Ответ буду ждать по этому адресу. И от тебя, и от тов. Колесникова.

Д. ПРОСКУРИН

г. Н.-Ломов

ДОВОДИМ ДО СВЕДЕНИЯ

Лавры щедринских самодуров не давали покоя директору каракулеводческого совхоза № 2 (Туркмения) Малютенко. Его стиль работы и руководства кратко выразался в нескольких словах:

— Разгоню!.. Разорю!..

Когда общественный инспектор охраны труда предложил отремонтировать столовую, Малютенко не стал с ним разговаривать и вернул ему все материалы.

Зашел к директору председатель рабсосома. Директор Малютенко встретил его криком:

— Выйдите вон!..

Такой же прием оказывал самодур Малютенко и рабочим. По материалам Крокодила Малютенко снят с работы.

Студенты рабфака при Ленинградском институте совторговли обратились к Крокодилу с письмом о том, что преподаватель истории Насекин систематически и нескончаемо долго задерживает у себя письменные контрольные работы студентов. Факт подтвердился. Однако, после того как Крокодил запросил по этому поводу дирекцию рабфака, студенты, написавшие нам, получили кличку «бузотеров». Когда наднях один из студентов попросил план по истории, ему сказали: «Это — не ваше дело, можете на нас писать в Крокодил». Среди студентов пошел разговор, что жалобщиков прижмут на экзаменах.

Мы этого не опасаемся. В Крокодил пишут о разных недостатках сотни и тысячи читателей. Никто не может, никто не смеет расправляться с ними за справедливую критику.

Редактор — Мих. КОЛЬЦОВ. Редакция: Л. ЛАГИН, Л. РОВИНСКИЙ, В. КАТАЕВ, Е. ПЕТРОВ.
Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подлинная цена на журнал 1 р. 00 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Рукописи не возвращаются

Москва, Изд. 565

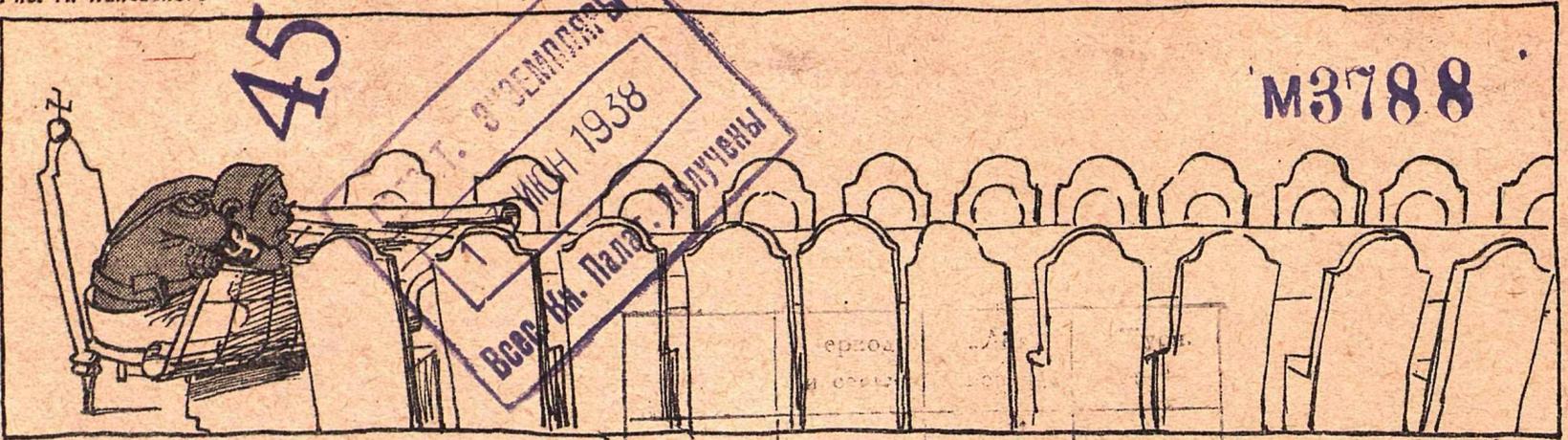
Сдача текста и рисунков 1 VI 1938 г.

Подп. к печати 8 VI 1938 г.

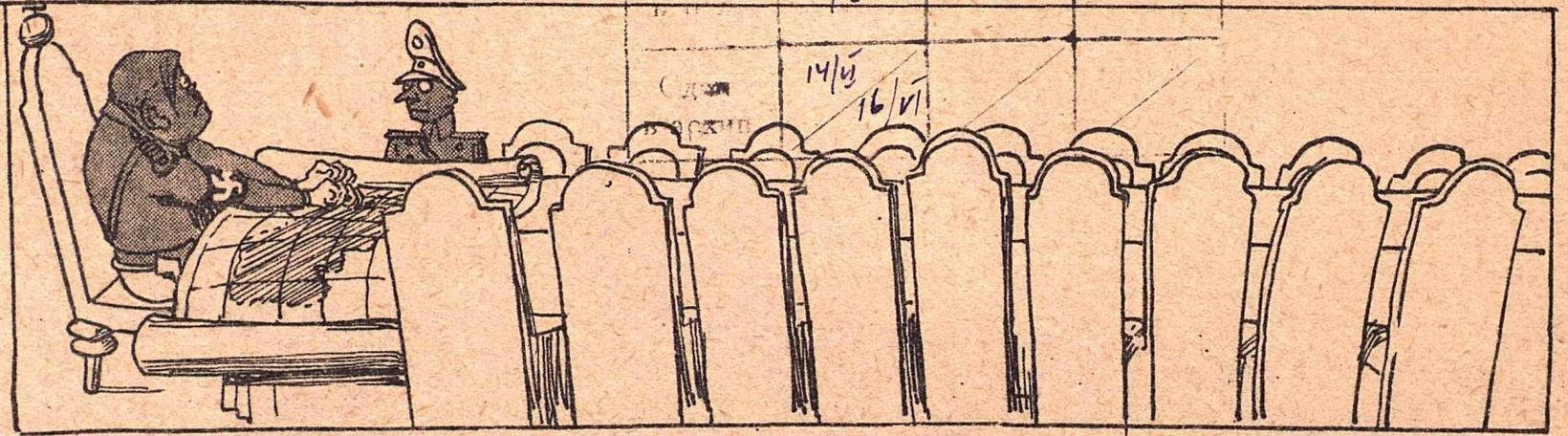
Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

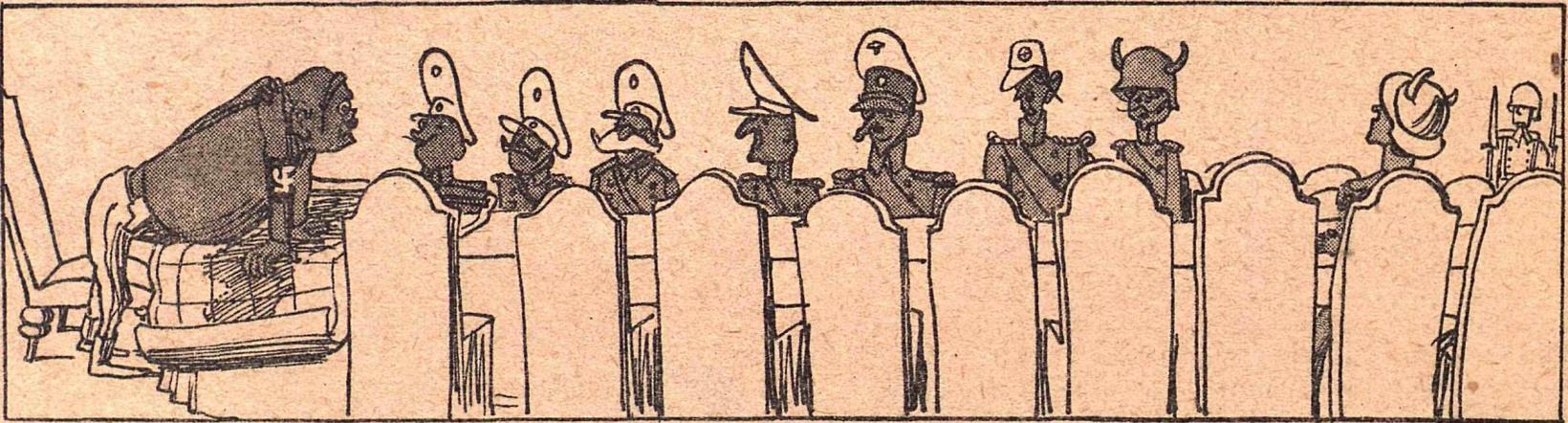
Уполномоченный Главлита №Б-42365 Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1460 Тираж 275 000 экз.

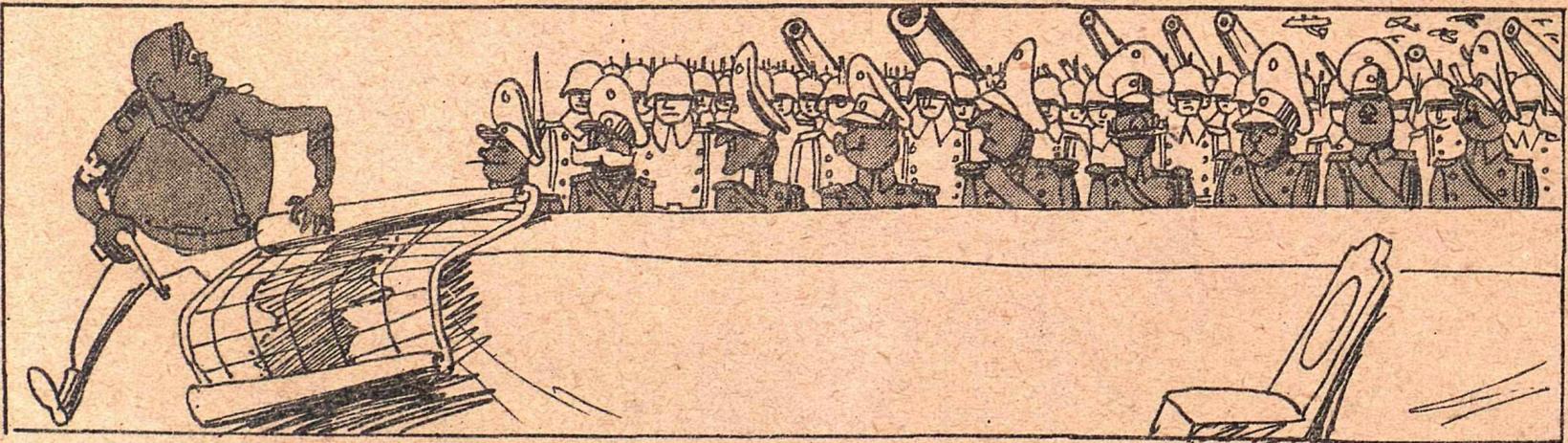
— Чехословацкий вопрос — серьезная проблема... Надо вызвать людей, чтобы посоветоваться.

— Нужно еще людей...

— Еще...

— Так... Еще немножко...

— Теперь достаточно. Нужно только перенести это обсуждение в другое место...